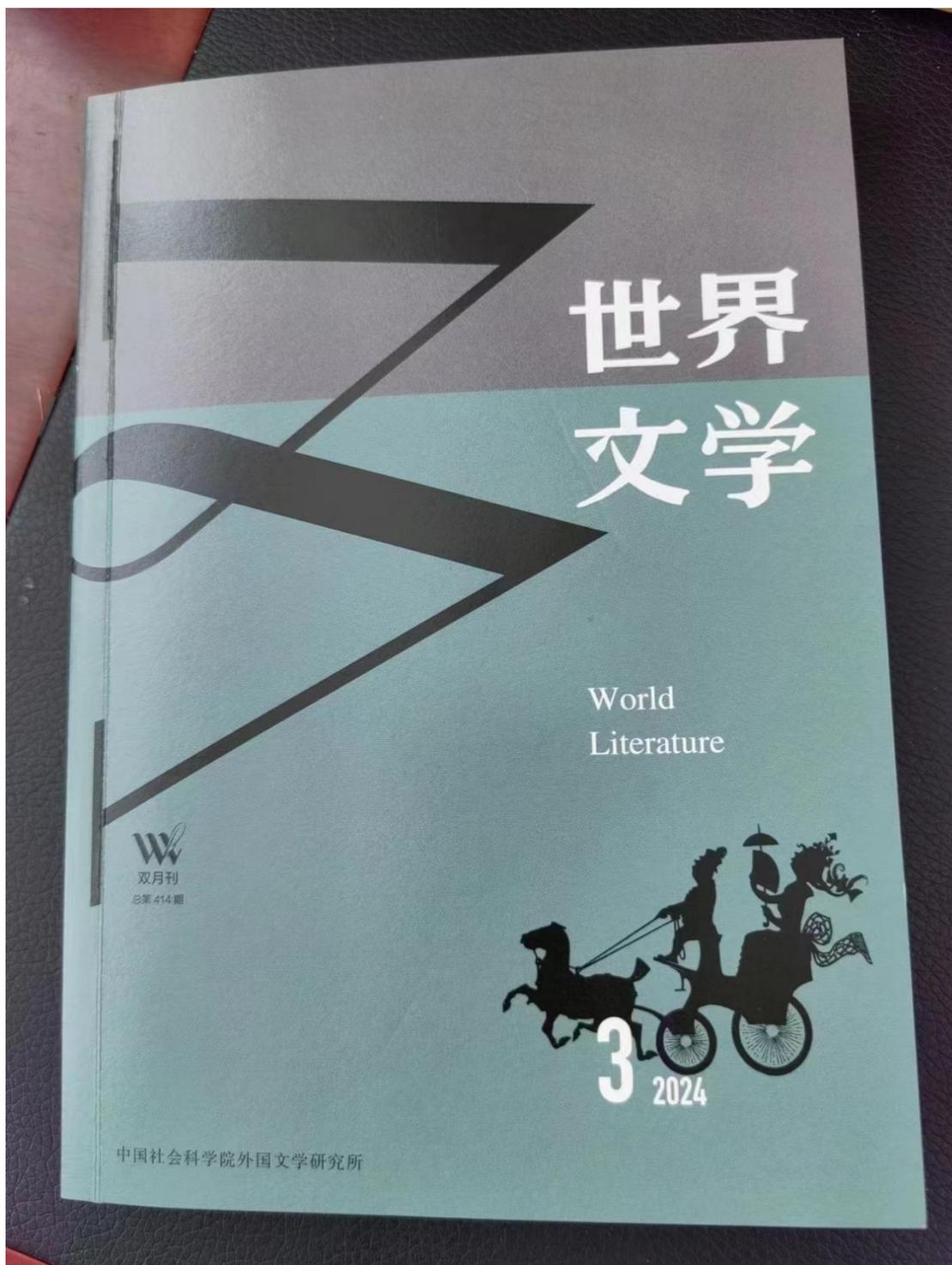

Журнал 《世界文学》 WORLD LITERATURE «МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»
(двухмесячное издание, 2024 год, выпуск 3 (414)).

世界文学

WORLD
LITERATURE

双月刊

2024 年第 3 期 总第 414 期

布尔东诺夫诗选

〔俄罗斯〕伊戈尔·布尔东诺夫

谷 羽译

伊戈尔·布尔东诺夫（Игорь Бурдонов，1948—），俄罗斯诗人、画家、计算机科学家。出生于莫斯科，莫斯科大学力学数学系毕业，现为俄罗斯科学院系统编程研究所首席研究员。布尔东诺夫是诚挚的中国文化爱好者。他在自己所从事的科研工作之余潜心研究中国文化四十多年，中国的历史、哲学、宗教、文学、诗歌及绘画都是他关注的对象。他对中国古代典籍尤其推崇，多年研究俄译本《易经》《道德经》《山海经》《诗经》《论语》《庄子》《史记》等经典。他的艺术创作也离不开中国主题。他写诗，尊崇陶渊明，诗中弥漫着浓厚的华夏古风；他画画，推重王维和石涛，绘画作品吸取了中国水墨的技法和意境。这里我们将布尔东诺夫近年创作的一些诗作介绍给读者朋友，并奉上诗人借《世界文学》的平台对中国读者诉说的诚挚话语。

编者

老年书法家

俯身向宣纸，
脊背端端正正，
手腕已放松，

臂肘弯曲灵动，
气从肩部运行，
墨向纸上挥洒，
奇妙在善于藏锋，
向上——直抵峰顶，
向下——瀑布流泻，
点染——飞鸟凌空，
清晨露珠欲滴，
西方——云雾舒卷，
而东方，海洋
滚滚，浪涛翻腾。
骨骼、肌肉与关节
天生富有弹性，
这位老年书法家，
比长颈鹿还要奇妙，
是一道优雅的风景。

我是古代的中国人

伟大的周朝衰落走向末日。
我是春秋时代的中国人。
耶稣、犹大都还没有出世。
印度的佛祖也还等待降生。
中国的王公们正厮杀征战。
那时没有老子也没有孔子。

我是春秋时代的中国古人。
我把自己的璞玉献给智者。
智者久久叩击他的竹筒，
翻来覆去仔细认真查阅。
长满白胡须的嘴巴轻轻翕动：
“你是苦命人。”他这样说。

伟大的黄河河水越来越冷。
“请问，发生了什么劫难？”
听，黄河那边鼓声隆隆。
那里正在砍伐茁壮的栗树。
春秋时代中国生灵涂炭！
黎民百姓泪水洗面受熬煎。

强劲的风迅速吹过大平原。
森林里冲出来的野猪凶猛。
山坡上盘踞着大群的狐狸。
车轮滚滚如鸟群掠过天空。
苍天啊！我们的罪孽何在？
我们的土地又将爆发战争。

疾飞的鸟儿会被标枪击中。
我们高声唱的是苦闷歌曲。
可爱的家乡已经完全荒芜。

黎明时分男人们纷纷离去。
柳树林里折断了无数柳枝。
我们的祖先对此有何说辞？

谁会想起中国古代的春秋？
留下著述的只有圣人孔丘。

正考父*

自古在昔，先民有作。

温恭朝夕，执事有恪。

——《诗经·商颂·那》

一命而偻，再命而伋，三命而俯。循墙而走，
亦莫余敢侮。饔于是，粥于是，以糊余口。^①

——《左传·昭公七年》

你想高高地昂起头来
不看昏暗大地，而与夜空的星辰目光对视；
你想挺直脊梁——

---

* 正考父是孔子的七世祖，春秋时期宋国大夫，地位很高，行为十分检点。

① 据《左传》记载，这是正考父家庙中鼎上的铭文。大意是：接受权位的册命，一命时欠身前倾，二命时弯腰鞠躬，三命时俯身如弓；平日走路都是顺着墙根小步快走，谦恭而行，也没有人敢对我加以侮辱；用这件大鼎煮米，用这件大鼎熬粥，以此来度日糊口。这段话意指正考父权位越高，生活越发谦恭、俭朴。

不再跪拜这个世界的权势者，
蔑视他们，拔去牙齿后边的舌头，
你想从跪拜中站起身来，
并像挤牙膏一样挤出奴性，
完全挤空，点滴不剩，
拍去膝盖下的灰尘，这个世界
以及可能存在的其他世界的尘埃，
那些世界都已经变成了尘埃，
你想走出房屋的阴影，自由行走，
毫不愧疚地发出高傲的声音，
你不在乎其他人怎么想，
其他人的想法并不重要，
你是自己命运的主宰，
不屈从任何人，不再给任何人下跪，
推倒权威，
走路，不随大流，而是特立独行，
不是步步倒退，而是靠头脑思索，
你热爱自由、平等、兄弟情谊，
到后来只爱自由
并追逐金钱财富，
迫使其他人爱自由，
谁不爱自由，他就不会拥有，
不必回头看，过去的一切很糟糕，
让那些死去的人追悼死人，
做你想做的事，没有人给你下命令，

一切都允许，没有禁区，
一切都无禁忌，
除了能产生禁忌的名目：
人民、祖国、故乡、家庭与爱，
用黄金铸造三足鼎，
在上面刻上自己的遗嘱：
“你们全都闯荡去吧！”
人们将千秋万代怀念你，
条件当然是人们还能继续生存，
活在你梦幻的废墟里。
正考父在棺材里辗转反侧。

孔子漫游

我等待树木花开，
圆镜似的天空笼罩大地。
我面朝南方站立，
聆听候鸟回归振翅的声音。
我等待溪水流淌，
东风点燃红铜色的火焰。
条条道路滋生出绿草。
我看见碾压着绿草滚动的车轮。

马蹄纤细。
后腿雪白。

车上装满了竹筒。
车夫大声吆喝。
铜饰发出刺目的闪光。
捉摸不定的瞬间忽明忽暗，
应和烟雾与布谷鸟的叫声，
应和红罌粟与蝉鸣。
我等待竹筒翻动的声响
预示未来的反复转变。

空气从山上沉降湖面。
我等待树上的果实坠落，
头顶的天空镜子般澄澈。
我面朝南方站立，
聆听候鸟回归振翅的声音。
我等待雨水流淌，
西风点燃红铜色的火焰。
平静的湖面雾气缭绕。
沉重的露珠穿起寒冷的衣裳。
野蒿——乃是希望之草。
我等待呼啸的风卷雪，
大地进入静止的月光园。

我等待开水沏茶。
忘掉一切——我浏览
古代的竹筒。

十万将士人头落地

我在乡村读《史记》——
司马迁的著作《史记》……

雨丝缓慢，寂然无声
天空灰蒙蒙下着小雨
我在读，中国古代君主
如何让十万将士人头落地

房顶上落下一滴雨点
我等待落下另一滴
赵国向魏国发动进攻
十万将士人头落地

寂静中传来风的叹息
雨的扇子挥动了两次
蜀国发生了大规模暴乱
十万将士人头落地

雨水过多，摧残了花朵
溼湿的花朵颜色凄靡
越国一举消灭了吴国
十万将士人头落地

湿淋淋的杂草丛里
昆虫的鸣叫销声匿迹
强大楚国的郢都陷落
十万将士人头落地

雨丝缓慢，寂然无声
时而降落，时而平息
大周朝丧失大禹的供桌
十万将士人头落地

一滴雨挂在房檐上
另一滴迷失在蛛网里
秦始皇面南称帝登基
十万将士人头落地

云消雾散，天空放晴
草叶子上面阳光熠熠
不，平安无事，一派宁静
却有十万将士人头落地

白居易安置了青毡帐*

白居易安置了青毡帐，

---

* 青毡帐，唐朝时对蒙古包的叫法。白居易有诗《青毡帐二十韵》。

在他府邸的庭院中央。
这在伟大的唐朝时代
令人羡慕且新潮时尚。

白居易安置了青毡帐，
四周围的歌姬与舞娘，
来自蛮夷的白皙美女，
满怀兴致地打量观赏。

白居易安置了青毡帐，
不料他说，音乐悠扬，
让高尚之士心醉神迷，
并非良好的社会现象。

白居易安置了青毡帐，
执笔在手，高抬手腕，
谱写了一首隐忧诗章。

白居易安置了青毡帐，
一边饮酒，一边歌唱。

白居易安置了青毡帐，
我奢望也有这种篷帐。

读 书

亚历山大·普希金坐在凳子上，

一边玩弄手杖，一边翻阅浏览
我的六卷本中国精神文化大典。
坐在沙发上的孔夫子皱着眉头
听安乐椅里的列夫·托尔斯泰
讲他那塞瓦斯托波尔的故事。
苏格拉底和契诃夫坐在地板上
玩牌，苏格拉底偷偷作弊。
厨房里，陶渊明
给莎士比亚斟上一杯酒，
侧着耳朵仔细聆听对方
絮絮叨叨：说生死存亡！
哲学家康德跟老子手拉手
来到走廊里一起抽烟，
精力充沛地批判某哲学家，
他俩还彼此拉拉对方衣袖。
欧几里德在过道的墙壁上
画三角形、正方形几何图。
爱因斯坦起身准备告辞，
不过稍有迟疑，他手里
提着一只鞋，朝四周环顾。
忽然听见，有人敲门，
我立刻走过去把门打开。
原以为是巴赫跟卡拉姆津，
去商店买了一瓶酒回来。
不料，我猜错了，

来人是个邻居，
他大声喊叫：夜深了，
还让不让人睡觉！
你们这样说笑吵闹！
连忙道歉，谦卑又文雅，
我把房门插上了门栓，
成堆的书，一一摆放回书架。

夏日乡村梦

小屋里的屋顶雪白，
白得像自吹自擂，
挂着两个
中国的红灯笼，
似乎在炫耀自己的美。

两个灶神
坐在灶台上，
树皮鞋挂在墙上。

一个是当地的灶神，
衣服又旧又破，
可笑的大胡子乱蓬蓬，
显然喝过酒，醉意朦胧，
眯缝着蒙古人的眼睛，

一副苦乐参半的表情。

另一个是中国的灶王，
身穿破烂的长衫，
袒露的肚皮又亮又圆，
中国式的秃顶与微笑，
同样眯缝着一双眼，
为了掩饰内心深处的辛酸。

他们俩在谈论
汽油、大米与面包的价格，
宇宙飞行的前景，
纳米技术的难题，
贪污受贿以及
地缘政治面临的困境，
优雅地避开
棘手的边界纷争，
有节奏地点头表示认同。

我在沙发上佯装入睡。

门开了，走进来一个
头戴巴拿马草帽的中国人。

商朝时代

商朝时代

三千多年之前，
用活人祭祀
是通行的习惯。
人类道德的进步在于
现在人们不再那么做，
甚至想想就有恐惧感，
但并非所有的人都害怕。
有些人，对于
用活人祭祀
并不觉得恐怖，
他们祭祀仍用活人。
另外一些人
害怕用活人祭祀，
因此他们不再这么做，
但他们理解仍在用活人祭祀的人们，
因为这两种人有相同的立足点。
还有第三种人，他们
害怕用活人祭祀，
他们不这样做，
要这样做就得去寻找
不害怕用活人祭祀的人，
代替他们这么干。
不过，绝大多数人
都害怕用活人祭祀，
所以他们都不这么做。

尽管大多数人当中的多数
对于怎么做并不在乎。

二维码

黎明前我梦见不远的未来。
我在连诺佐夫公园散步，
用手指戳了一下二维码，
以便打开空间，出现小路、
树木、长椅、草地、小桥和远方的景物。
我走近树干戳一下二维码，
树皮纷飞，树枝哆嗦。
我走向另外一棵。
如果戳一下二维码，
能看见池塘里的公鸭与母鸭。
你坐在长椅上仰靠椅背，
可信手去戳二维码，
旁边有位穿外套戴帽子的退休者，
或是年轻的妈妈推着婴儿车。
按一下通话键，
你就能跟别人说说话。
假如你不按通话键，
坐在长椅上面对无人的世界，
方形的二维码灰蒙蒙一片模糊，
你甚至难以起身返回家。

桂林—麒麟

桂林—麒麟
犄角伸向蔚蓝天空
一千个温柔的犄角
四蹄不踩花朵房屋
擅长喷吐火焰
但却呼吸清风
可以怒吼如雷
但却轻轻歌唱
麒麟——就这般安详！
桂林——就如此模样！

它的子孙千百万
说着千百种语言
经过了长久的辛劳
造就了桂林这般模样！
像瑞兽麒麟一样安详！

这里的市民不长犄角
他们不会喷吐火焰
他们不会咆哮如雷
他们不会伤害游客
性情温和就像漓江水

活泼如齐天大圣
勇敢仿佛孙悟空
八月桂树林中的城
四周围拢麒麟角山峰
请你来尽情观赏——
这就是桂林的模样！

在当今这大千世界
多少城市闪烁光亮
神圣岛屿雾气迷茫
花园豪华胜似天堂
即便在神仙圣境
你也难见一座城
能够跟桂林一样
桂林——就如此模样！
麒麟——就这般安详！

附： 我为什么爱中国

——伊戈尔·布尔东诺夫致中国读者

谷 羽译

亲爱的中国读者！我是用俄语写这些话的，我的朋友谷羽教

授同意把它们翻译成汉语。我想说说我是怎么开始写这些跟中国相关的诗歌作品的。

既然你写中国主题的诗歌，那么你就会变成……当然，这里并不是说你会变成中国人——因为如果真的如此，你的爸爸和妈妈就非得是中国人不可——而是说你会变成一个不用说话就能理解别人、别人不用说话也能理解你的人。为什么要寻找一个“忘言之人”呢？这里可以借用庄子的话来回答：“与之言哉。”^①

我的诗，就是跟那些“忘言之人”的对话。我在庐山旅游时看到的那位挥洒笔墨的老年书法家，那位用蓍草算命的老先生，还有古代时小心翼翼沿着墙根走路的正考父，出关西行的老子，春秋时期周游列国的孔子，写下了《长恨歌》的白居易。如果说他们都忘记了语言，那么问题就来了，就像白乐天质问老子的话：“缘何自著五千文。”^②

这就是诗歌的奥秘与悖论之所在：用语言说话，传达用言语无法表达的内容。但这需要特殊的文字，如正考父、老子、孔子和白居易所了解和使用的语言。我只不过在试着说出这样的话，至于成功还是失败，都不能由我个人来判断，评判者应该是你，亲爱的读者。

为什么我爱中国？这是个很笨拙的问题。无法做出回答，因为任何答案都将不完整，不准确。所以我只能写诗。

可是我依然想尝试回答。我们想象一下，假如中国文化业已

---

① 这句和上句话中的“忘言之人”“与之言哉”，出自《庄子·杂篇·外物》，原文为“吾安得夫忘言之人，而与之言哉”。这句话的上半句是“言告所以在意，得意而忘言”。两句话合起来的意思是：语言是用来传告思想的，领会了意思，就忘掉了语言。我怎么能寻找到忘掉语言的人而跟他谈谈呢？

② 语出白居易诗《读老子》。

消失，我觉得，人类就会意识到自己仿佛失去了手臂，失去了腿脚，甚至失去了头脑。我可不愿意丢掉脑袋。

我研究中国已经四十年了。不，说不上是研究，而是领悟：诗歌、哲学、艺术、自然、现实生活——步入你们神奇的国度，它既神奇地迷恋自己独有的过去，同时又在高速发展，奔向未来。这种文化，这种对于世界的感触，竟然出奇地深刻并接近我的初心。虽然此前不久的中国之行是可以想象的，但相遇的喜悦，相聚的坦诚，对别样世界的发现都是真实的。现实比在自己的公寓里来回踱步更有吸引力。

很难解释为什么远方在呼唤。这呼唤声已经变得如此亲近！在这样的旅程中，最令人兴奋的是跟各种人见面：男人和女人，年轻人和老年人，快乐的人和悲伤的人，诗人，哲学家，艺术家。他们来找我，或者，也可能，是我挨个儿去拜访求见，从一个世纪走到另一个世纪，沿着中国的道路——翻山越岭，乘船渡河，沿河流航行，在城市短暂停留，欣赏山上的鲜花，与农民共饮新酿的米酒……

这些人或者被我们记住，或者已经被忘却，但他们都活在自己的岁月，活在这个星球，活在这永恒之中。这或许就是诗歌诞生与延续的缘由。寻访一个遥远的国度，关注一段段悠远的时光……有人对我说：还有什么比这些流传的诗歌更没有出路、更令人绝望的呢？！但是，**如今**，如果你仔细想想这个词语的内涵，难道只能感受到它的字面意义吗？此时此刻，往昔岁月的总和——不就是现在吗？在记忆的海洋里，水流不是双向运动周转的吗？时间不是往复循环的吗？难道国家是有边界的吗？或者道路不是从一国通往另一国吗？又或者天空不是圆的吗？

我觉得，我开始以不同的眼光看待我们俄罗斯的大自然：我们的森林和田野，我们的河流，我们的树木。我突然发现，白桦树枝奇妙而异常地弯曲，像龙的躯体盘绕，或者像中国水墨画中的树木曲折变形。可能这是因为欣赏绘画的美不仅局限于直线和开放的线条，而且在曲线当中，在奇特的造型当中也发现了美。我确实不仅仅感受到松树的美，同时也体会到它的伦理价值和道德内涵。在芦苇的沙沙声中，我听到了时间的脚步声。就好像我一觉醒来，发现自己根本不是活在时间里，而是活在春夏秋冬四季里。一年原来是生命的一个轮回，也许，我至少离树木、鸟类、云彩更近了一点，并且能够在自己身上感受到春的来临，秋的气息也渗入心田，让我重新达到物我两忘的境界……

有时候有人劝我“放弃对中国的痴迷，回归我们这个时代的俄罗斯”。我是这样想的：真正的回归，不是一步步倒退，而是抛弃疑虑，大步朝前走。每天早晨起来，太阳总是从东向西运行。在我看来，在我晚年的岁月里，我正回归俄罗斯，但这种回归要经过中国。这是我的环球之旅。人们启程上路，然后返转回归，他们的心衔接着路途上的每一个点。因此，我梦想：或许在我们这个时代，界限已经开始模糊，灵魂的接触不再是怪事一桩，而是变成时代的标志？

这不正是我最喜欢的诗人陶渊明在一首诗中所写的？

邻曲时时来，抗言谈在昔。

奇文共欣赏，疑义相与析。

在当今这个航空飞行与互联网时代，我们都是地球上的邻居。

我的朋友谷羽离我很远，在千里之外，但我却觉得他离我很近，我们坐在同一张桌子旁边，喝茶聊天。

孔子曰：“知之者不如好之者，好之者不如乐之者。”

这是我对“我为什么爱中国”这个问题的回答。也可能并没有回答。那么，各位读者尽可在我的诗作中寻找答案。

当我的朋友谷羽把普希金的诗翻译成汉语时，在我看来，他也“忘言”了。因此，他才翻译了那么多的诗行，那么多的词句。

我无限感激我的朋友谷羽翻译我的诗并带来交流的快乐，感激《世界文学》杂志发表我的诗作，感谢你们，各位亲爱的读者，感谢你们坚持听完我这一番乏味的话语。

伊戈尔·布尔东诺夫

2023年8月20日

(策划及责任编辑：孔霞蔚)

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ БУРДОНОВА

[Россия] Игорь Бурдонов
Перевод Гу Юя

Игорь Бурдонов (Игорь Бурдонов, 1948—), Россия. Поэт, художник, специалист по компьютерам. Родился в Москве, окончил механико-математический факультет Московского университета и в настоящее время является главным научным сотрудником Института системного программирования Российской Академии наук. Бурдонов — искренний любитель китайской культуры. Он занимается своей собственной научно-исследовательской работой более 40 лет, кропотливо изучал китайскую культуру, китайскую историю, философию, религию и литературу. Поэзия и живопись — объекты его внимания. Он особенно восхищается древнекитайской классикой и многим другим. Годы работы с чтением переводов на русский язык "И цзин - Книги перемен", "Дао дэ Цзин", "Шань Хай цзин - Книги гор и морей", "Ши цзин - Книги стихов", "Лунь Юй - Аналектов Конфуция", "Чжуан-цзы", "Ши цзи - Исторические записки". Его художественное творчество также неотделимо от китайской тематики. Он пишет стихи, он уважает Тао Юаньмина, и его стихи наполнены сильным древнекитайским стилем; он рисует, ценя Ван Вэя и Ши Тао. Его картины вобрали в себя технику и художественную концепцию китайской живописи тушью. Здесь мы знакомим читателей и друзей с некоторыми из стихотворений, написанных Бурдоновым в последние годы, и приводим искренние слова поэта, сказанные китайским читателям на платформе «Мировая литература».

Редактор

1. СТАРЫЙ КАЛЛИГРАФ

Над бумагою склонился,
держит спину ровно-ровно,
и расслаблено запястье,
и свободен сгиб локтя,
от плеча бегут потоки,
льются тушью на бумагу,
дивно кисти кончик спрятан,
ввысь — к вершинам скал отвесных,
вниз — потоком водопада,
точки — птицы в небе чистом,

капли утренней росы,
запад — тающий в тумане,
и с востока, с океана
мчит обратная волна,
как небесная пружина
кости, мышцы и сустав,
сам становится ландшафтом,
он изысканней жирафа
этот старый каллиграф.

2. Я ДРЕВНИЙ КИТАЕЦ

Великое Чжоу клонится к концу.
Я древний китаец эпохи Чунь-цю.
Ещё не рождён ни Христос, ни Иуда.
И Будда индийский ещё только будет.
По всей Поднебесной сражаются гуны.
И нет ещё Лао, и нет ещё Куна.

Я древний китаец эпохи Чунь-цю.
Я яшму свою поднесу мудрецу.
Бамбуковой книгой он долго стучит,
и тысячелистник в руках теревит.
Шевелит губами в седой бороде,
и так говорит: "Ты, китаец, в беде".

В Великой Реке холодеет вода.
"Скажи же, какая случилась беда?"
Гремит за Рекою большой барабан.
Там рубят и рубят могучий каштан.
О горе китайцу эпохи Чунь-цю!
Холодные слёзы текут по лицу.

Летят над равниною быстрые ветры.
Из леса выходят свирепые вепри.
Выходят на скалы большие лисицы.
Как быстрые птицы летят колесницы.

О вышнее Небо! В чём наша вина?
Опять на земле нашей будет война.

Летящая птица пробита копьём.
Суровые песни мы громко поём.

Совсем опустела родная община.
С рассветом уходят, уходят мужчины.
У ивовой рощи обломаны ветки.
Что скажут об этом высокие предки?

Кто вспомнит китайца эпохи Чунь-цю?
Лишь строчку оставит мудрейший Кун Цю.

3. ЧЖЭН КАОФУ

Эпиграф 1:

*С глубокой древности и в прошлом
Прежние люди нам дали прекрасный пример:
Скромны и почтительны были с утра и до ночи,
Благоговейны в делах и несении службы».*
«Ши цзин», (IV, V, 1 — Гимны дома Шан, № 1)

Эпиграф 2:

*Получив первый раз царское повеление о назначении на
должность — склонил голову; получив во второй раз царское
повеление о повышении в должности — склонил спину; получив
в третий раз царское повеление о повышении в должности
согнулся в пояснице. Проходя по улице — двигаюсь осторожно, с
почтением, держась вдоль стен домов. Поэтому никто не
осмеливается презирать меня. В этом треножнике я варю и
густую кашу, и рисовый отвар, дабы утолить лишь кое-как
голод.*

Чжэн Каофу

ты хочешь голову вскинуть высоко
и смотреть не в тёмную землю, а глаза в глаза звёздного неба,
ты хочешь выпрямить спину —
довольно кланяться сильным мира сего,
презирай их, вынь язык из-за зубов,
ты хочешь подняться с колен,
и выдавливать раба из себя как из тубика,
до полного опустошения,
и отряхивать прах с колен, прах этого мира
и всех других возможных миров, превращённых в прах,
ты хочешь выйти из тени домов и свободно идти,
без зазрения совести гордо звуча,
и тебе не важно, что думают люди,
люди вообще не важны,

ты сам хозяин своей судьбы,
ни от кого не зависишь, ни перед кем не склоняешься,
долой авторитеты,
иди не в кильватере, а ва-банк,
не на попятную, а по головам,
ты любишь свободу, равенство, братство,
потом уже только свободу,
и длинный рубль,
заставь других полюбить свободу,
а кто не хочет, тот не имеет,
не оглядывайся назад, в прошлом всё было плохо,
пусть мёртвые хоронят своих мертвецов,
делай, что хочешь, и тебе никто не указ,
всё, что не запрещено, разрешено,
и ничего не запрещено, кроме того, что порождает запреты:
народ, отечество, государство, семья и любовь,
отлей из золота треножник
и напиши на нём своё завещание:
«А пошли вы все нах!»
И люди будут помнить тебя в тысячелетиях,
если, конечно, люди ещё останутся
на руинах твоего рейхадежавю.
Чжэн Каофу переворачивается в гробу.

[Чжэн Каофу был предком Конфуция в седьмом поколении. В период «Весны и осени» Чжэн Каофу занимал очень высокое положение и вел себя очень хорошо.]

4. СТРАНСТВИЯ КОНФУЦИЯ

Я жду, когда зацветут цветы деревьев,
и на землю опустится круг зеркального неба.
Я встану лицом на юг,
буду слушать летящий звук возвращения крыльев.
Я жду, когда потекут ручьи воды,
и восточные ветры зажгут бронзовые огни.
Все дороги-пути зарастут зеленой травой.
Вижу я, как траву эту мнут круги колес.

*У коней копыта тонкие.
А задние ноги белые.*

Повозка доверху полная деревянных книг.

Погонщика резкий крик.
Слепящий бронзовый блик.
Обманчивый миг распался на свет и тень,
на дымку и крик кукушки,
на красные маки и звон цикад.
Я жду, когда застучат листы деревянных книг
грядущему наперекор.
И воздух опустится с гор на гладь озер.
Я жду, когда упадут плоды деревьев,
и кверху поднимется круг зеркального неба.
Я встану лицом на юг,
буду слушать летящий звук покидающих крыльев.
Я жду, когда потекут дожди воды,
и с запада ветры зажгут бронзовые огни.
Над гладью озер туман.
Тяжелой росы холодны одежды.
Трава надежды — глухой бурьян.
Я жду, когда засвистят снеговые ветра,
и в недвижимый лунный сад войдет земля.

Я жду, когда закипит вода для чая.
Я все забыл — я листаю
листы деревянных книг.

5. ОБЕЗГЛАВИЛИ СТО ТЫСЯЧ ВОИНОВ

В деревне читаю "Ши цзи" — "Исторические записки" Сыма
Цяня...

Падает медленный тихий дождь
С равномерно серого неба
Читаю, как древний китайский вождь
Обезглавил сто тысяч воинов

С крыши упала капля дождя
Жду, когда упадёт другая
Царство Чжао напало на царство Вэй
Обезглавили сто тысяч воинов

Ветер выдохнул в тишине
Веер дождя взмахнул два раза
В царстве Шу случилась великая смута
Обезглавили сто тысяч воинов

Вода притупила пять цветов
Оттенки один другого тоньше
Царство Юэ уничтожило царство У
Обезглавили сто тысяч воинов

В мокрой траве утонули звуки
Кузнечиков и шмелей
Пала столица Великого Чу — Великий Ин
Обезглавили сто тысяч воинов

И снова медленный тихий дождь
То ли падает, то ли нет
Великое Чжоу лишилось треножников Юя
Обезглавили сто тысяч воинов

Капля дождя повисла на крае крыши
Другая капля запуталась в паутине
Цинь Ши-хуан повернулся лицом на юг
Обезглавили сто тысяч воинов

Облака разошлись, и открылось новое небо
Солнце сверкает на листьях травы
Нет, ничего не случилось, всё тихо, но
Обезглавили сто тысяч воинов.

6. БО ЦЗЮЙ-И ПОСТАВИЛ ЮРТУ

Бо Цзюй-и поставил юрту
во дворе своего дома,
это было очень модно
в славных днях Великой Тан.

Бо Цзюй-и поставил юрту
и кружащиеся танцы
белых варварских красавиц
с интересом наблюдал.

Бо Цзюй-и поставил юрту,
но сказал, что увлекаться
этой музыкой негоже
благородным мужикам.

Бо Цзюй-и поставил юрту
и поднявши кисть повыше
стих печальный сочинял.

Бо Цзюй-и поставил юрту,
пил вино и песни пел.

Бо Цзюй-и поставил юрту
Я бы тоже так хотел.

[Шатер из зеленого войлока — название юрты во времена
династии Тан. У Бо Цзюй-и есть стихотворение "Двадцать рифм
о зеленом войлочном шатре".]

7. ЧИТАЮ КНИГИ

Сидит на стуле Александр Пушкин,
играет тросточкой, листает
мою Энциклопедию Китая.
А на диван Конфуций взгромоздился
и слушает, как Лев Толстой из кресла
ведёт свой севастопольский рассказ.
Сократ и Чехов, сидя на полу,
играют в карты, и Сократ шульмует.
На кухне Тао Юань-мин
Шекспиру водку наливает,
прислушиваясь краем уха,
как тот бормочет: быть или не быть?
Философ Кант под ручку с Лао-цзы
идут на лоджию перекурить,
кого-то энергично критикуя
и дёргая друг друга за рукав.
Евклид рисует на стене
в прихожей треугольники, квадраты.
Эйнштейн собрался уходить,
но задержался, смотрит,
с одним ботинком на руках.
Вот кто-то в дверь звонит,
пойду открою.
Наверно, это Бах и Карамзин,
за водкою ходили в магазин.
Но нет,
пришёл сосед,

кричит, что ночь,
уснуть невмочь,
что слишком шумно.
Ему ответив вежливо и умно,
дверь запираю на защёлку,
все книги в кучу — и на полку.

8. Деревенский сон в летний день

Под белым потолком избы,
кичащимся своею белизной,
два красных китайских фонарика,
кичащихся своею красотой,
висели.

А на печке
два домовых сидели,
свесив лапти.

Один из местных был,
в дырявом зипуне,
с запутанной смешною бородой,
уже, как видно, под хмельком,
и щурил монгольский глаз
с весёлой скорбью мировой.

Другой - китайский бог очага,
в халате драном,
с лоснящимся и круглым животом,
с китайской лысиной, китайскою улыбкой,
всё узил глаз, чтобы сдержать внутри
глубокой тёмной вечности трясину.

Обсуждали
цены на нефть, и рис, и хлеб,
космических полётов перспективы,
проблемы нанотехнологий,
коррупцию и прочие проблемы
геополитики,
изящно огибая
вопросы пограничного раздрая,
и головами в ритм кивая.

Я притворялся спящим на диване.

Дверь отворилась, и вошёл китаец
в панаме.

9. ЭПОХА ШАН

В эпоху Шан
три с лишним тысячи лет назад
было принято совершать человеческие жертвоприношения.
Нравственный прогресс человечества в том,
что сейчас люди так не делают,
даже мысль об этом приводит людей в ужас.
Но не всех.
Есть люди, кого человеческие жертвоприношения не приводят в
ужас,
и они это делают.
Есть и другие, кого человеческие жертвоприношения приводят
в ужас,
и они это не делают,
но с пониманием относятся к тем, кто делает,
если те на одной стороне с ними.
Есть и третьи, кого человеческие жертвоприношения приводят
в ужас,
и они это не делают,
а для того, чтобы делать, находят тех,
кого человеческие жертвоприношения не приводят в ужас
и кто делает это для них.
Но всё же большинство людей человеческие жертвоприношения
приводят в ужас,
и они это не делают.
Хотя вообще-то большинству из них
просто по фиг.

10. QR-код

Под утро мне приснилось недалёкое будущее.
Я шёл по Лианозовскому парку
и тыкал гаджетом в QR-код,
чтобы открылось пространство, возникла тропинка,
появились деревья, скамейка, полянка, и мостик, и даль.

Подхожу к столбу и тыкаю гаджетом в QR-код,
и дерево обретаёт кору и шевелит ветвями.
Иду к следующему.
Если ткнуть гаджетом в QR-код,
можно увидеть кусочек пруда с селезнем и уткой.
Сядешь на скамейку, откинувшись,
ткнёшь гаджетом в QR-код,
и рядом возникнет пенсионер в пальто и шляпе
или молодая мама с коляской.
Можно поговорить,
если включить голосовую связь.
А не будешь тыкать гаджетом в QR-код,
так и будешь сидеть на скамейке в бесконечно-безлюдном мире,
где только серая муть и квадратики QR-кода.
Даже домой не вернёшься.

11. ГУЙЛИНЬ — ЦИЛИНЬ

Гуйлинь — цилинь
Рогами в небесную синь
Тысяча мягких и нежных рогов
Копыта не топчут цветов и домов
Может дышать огнём
но дышит лаской ветров
Может греметь как гром
но тихо поёт без слов
Вот он каков — цилинь!
Вот он каков — Гуйлинь!

Миллионы его сынов
Тысячи языков
Приложили много трудов
Чтобы он стал таков — этот Гуйлинь!
Этот цилинь!

У людей этих нет рогов
Они не дышат огнём
Они не гремят как гром
Не причиняют вреда
Нежны как вода Лицзян
Живые как царь обезьян
Отважны как Сунь Укун
В рощах коричневых лун

Город в рогах цилиня
Взглядом его окинь —
Вот он каков — Гуйлинь!

И среди тысяч миров
В блеске людских городов
В дымке святых островов
В роскоши райских садов
Даже в чертогах богов
Ты не найдёшь образцов
Город такой один
Вот он каков — Гуйлинь!
Вот он каков — цилинь!

Дополнительно: ЗА ЧТО Я ЛЮБЛЮ КИТАЙ
—— **Игорь Бурдонов китайским читателям**

Перевод Гу Юя

Дорогой китайский читатель! Я пишу эти слова по-русски, а мой друг профессор Гу Юй согласился сделать перевод. Я хочу рассказать, как получилось, что я написал такие стихи.

Когда пишешь стихи на китайские темы, превращаешься... Нет, не в китаец — для этого надо, чтобы папа и мама были китацами. Превращаешься в того, кто понимает других людей без слов, а они понимают тебя без слов. А зачем искать человека, забывшего слова? На это ответил Чжуан-цзы: 与之言哉. [Чтобы поговорить с ним]

Мои стихи — это разговор с людьми, забывшими слова. Старый каллиграф, которого я видел за работой в горах Лушань, древний гадатель, перебирающий в руках стебли тысячелистника, Чжэн Каофу, осторожнодвигающийся вдоль стен домов, Лао-цзы, покидающий Западную Заставу, Конфуций, странствующий по царствам в эпоху 春秋 [Чуньцю – Вёсны и осени], Бо Цзюй-и, поющий 长恨歌 [Песнь о великой печали]. Но если все они забыли слова, то возникает вопрос, который 白乐天 [Бо Лэтянь = Бо Цзюй-и] задал о 老君 [Лаоцзюнь = Лао-цзы]: 「缘何自著五千文」 [Как получилось, что он написал пять тысяч слов?].

В этом и состоит загадка и парадокс поэзии: говорить словами, чтобы передать то, что словами невыразимо. Но для этого нужны особые слова, такие, какие знали и говорили Чжэн Каофу, Лао-цзы, Конфуций и Бо Цзюй-и. Я только пытаюсь говорить такие слова, а получается у меня или нет, судить не мне, а тебе, дорогой читатель.

Почему я люблю Китай? Это очень глупый вопрос. На него нельзя ответить, потому что любой ответ будет неполный и не точный. Поэтому я просто пишу стихи.

Но всё же попытаюсь ответить. Если представить на мгновение, что китайская культура исчезла, мне кажется, человечество почувствовало бы себя так, как чувствует себя человек, потерявший руку, или ногу, а то и голову. А я не хочу остаться без головы.

Я уже сорок лет изучаю Китай. Нет, это не изучение, это вчувствование: в поэзию, философию, искусство, природу, жизнь, — вашей удивительной страны, отличающейся странным пристрастием к собственному прошлому, и в то же время стремительно шагающей в будущее. Эта культура, это мироощущение оказались удивительно близкими мне по каким-то глубинным своим началам. И хотя путешествие в Китай до недавнего времени было воображаемым, радость встречи, откровение встречи, открытие иного мира — настоящие. Явь более осязаемая, чем хождение по собственной квартире.

Трудно объяснить, почему зовёт далёкое. Ведь оно уже стало близким! Самое волнующее в этом странствии — встречи с людьми: мужчинами и женщинами, молодыми и старыми, весёлыми и печальными, поэтами, философами, художниками. Они приходили ко мне, или, может быть, это я ходил из дома в дом, из века в век, по дорогам Китая — по долинам, горам, переправлялся через реки и плыл в лодке по рекам, останавливался в городах, любовался цветами в горах, пил молодое вино с крестьянами...

Это люди, которых мы помним, или которых забыли, но они жили. На этой Земле и в этой Вечности. Оттого, наверное, и рождаются стихи-послания. В далёкую страну, в древние времена... Мне говорят: что может быть безысходней таких посланий?! Но разве Настоящее, если вдуматься в буквальный смысл этого слова, это лишь то, что есть? Здесь и сейчас? Сумма Прошлого — разве не это есть Настоящее? Разве в Океане

Памяти течения не движутся в обе стороны? И Время не ходит кругами? Разве Родина имеет границу? Или пути не ведут из страны в страну? Или Небо не кругло?..

Мне кажется, я стал иначе видеть нашу, российскую, природу: наши леса и поля, наши реки, наши деревья. Я вдруг увидел, что у берёзы ветви удивительно и необычно изгибаются — подобно драконам, или подобно искривлённым деревьям на китайских картинах. Наверное, потому, что стал ценить красоту не только в прямых и открытых линиях, но и в кривых, причудливо изогнутых. Я действительно почувствовал в сосне не только красоту, но и начало этическое. И в шорохе тростника мне слышался голос времени. Я как будто проснулся и увидел, что живу не вообще во времени, а в весне, лете, осени, или зиме. Год оказался кругом, по которому движется жизнь, и, может быть, я хоть чуть-чуть приблизился к деревьям, птицам, облакам и смог почувствовать весну в себе, и осень входила в меня и возвращала в забвение...

Мне иногда советуют «бросить эту китайщину и вернуться в Россию и в наше время». Я думаю так: настоящее возвращение — это не когда пятятся назад, а когда отбрасывают сомнения в движении вперёд. Утро возвращается каждый день, но солнце двигается всегда с востока на запад. Мне кажется, на склоне лет я возвращаюсь в Россию, я возвращаюсь через Китай. Такое у меня кругосветное путешествие. Люди уходят и возвращаются, чтобы соединить в своём сердце все точки пути. И я мечтаю: может быть в наш век уже начинают стираться границы, и соприкосновение душ перестаёт быть курьёзом и становится знаменем времени?

Это то, о чём писал мой любимый поэт ТаоЮань-мин:

邻曲时时来，抗言谈在昔。

奇文共欣赏，疑义相与析。

[Важней, чтоб соседи почаще ко мне ходили

И мы в разговорах судили б о старине,

И чудным твореньем мы вместе бы восторгалась,

Неясные мысли друг другу толкуя в нем.]

В наше время авиаперелётов и интернета мы все соседи на Земле. Мой друг Гу Юй далеко от меня, за тысячи километров, а мне кажется, что он близко. Мы сидим за одним столом, пьём чай и беседуем.

Конфуций сказал: 「知之者不如好之者，好之者不如樂之者。」
[Знающий уступает увлечённому, увлечённый уступает радующемуся] Я радуюсь!

Я ответил на вопрос «Почему я люблю Китай»? Наверное, нет. Тогда ищите ответ в моих стихах.

Когда мой друг Гу Юй переводит на китайский язык стихи Пушкина, мне кажется, он тоже «забывает слова». Поэтому он перевёл так много стихов, так много слов.

И я бесконечно благодарен моему другу Гу Юю за перевод моих стихов и за счастье общения, редакции журнала «Всемирная литература» за публикацию моих стихов, и тебе, дорогой читатель, за то, что ты в моём скучном рассказе дошёл до этих слов.

Игорь Бурдонов
20 августа 2023